

Литературно-художественное издание

Издательство Российского союза писателей

Серия: Библиотека солдата СВО

Маленко Владислав Валерьевич

СТИХИ

*Я прошу об одном всего лишь,
Признавая свою вину:
То, что можно сделать сегодня,
Не откладывая на весну!*

Русские маяки

Песня

1

Это русская дорога
Среди звёзд и крестов –
Пушкин, Лермонтов и Гоголь...
Менделеев, Попов.

Сквозь туман петроградский,
Всем дождям вопреки
Видел в небе Вернадский
Русские маяки!

На духовном Олимпе
Рядом с небом большим
Скобелев и Столыпин,
Шолохов и Шукшин!

Память утроит силы,
Звёзды горят во мгле.
Это и есть Россия
В небе и на земле!

Припев:

Лётчики-моряки –
Русские маяки!
Здесь испокон веков –
Родина маяков!

2

Чай наш крепко, брат, заварен,
Вечен звёзд хоровод!
Улыбается Гагарин,
Время рвётся вперёд!

Как на фреске на рублёвской
Из есенинских снов
Королёв, Циолковский,
Павлов и Пирогов!

С нами Дягилев и Бродский,
Левитан и Серов,
Пастернак и Высоцкий,
Шухов и Васнецов!

И встают на снег покровский,
Побеждая врагов,
Жуков, Конев, Рокоссовский,
Карбышев и Чуйков!

Припев:

Наши фронтовики –
Русские маяки!
Здесь испокон веков –
Родина маяков!

З
У эпохи перегрузка,
Стрелки часов скрипят,
Вертится глобус русский,
Люди в домах не спят!

В каждой секунде века,
Ставни открой, а там
Станиславский и Чехов,
Тютчев и Мандельштам!

Питер, Донецк и Выборг,
Грозный и Таганрог...
Россия сделала выбор
И этот выбор – Бог!

В космос открыты ставни
Средь полей золотых.
Наше время настало!
Это время своих!

Припев:

Лётчики-моряки –
Русские маяки!
Здесь испокон веков –
Родина маяков!

Наши фронтовики –
Русские маяки!
Здесь испокон веков –
Родина маяков!

Госпиталь

Я в госпиталь другу принёс удлинитель,
И в руку вложил, а обратный конец
К себе подтянул его Ангел-Хранитель,
Куда-то в небесный дворец.

И друг удивился оконному блику,
Ростовского неба увидел пробел,
Подметил упавшей звезды землянику
И ветер на завтрак поел.

Мы с доктором выпили спирта под сайру,
Тот кашлял, снимая очки:
«Давай, чтоб не срезала провод Косая!
Она ведь коварна, учти!»

И крестик латунный потрогав украдкой,
Добавил: «Давай без обид,
Мы здесь твой шнурок зафиксируем, братка,
А там пусть Господь закрепит!»

Погода опять становилась капризной.
Пора по вертушкам, взлетим и начнём.
И линия ЛЭП, будто линия жизни,
Терялась в тумане речном.

Весна стоит в пальто коротком
И утешает, как умеет.
Не привыкай к военным сводкам,
А то душа окоченеет.

Не привыкай смотреть на карты,
Не то покроешься коростой.
Кто это время нам накаркал?
Чужой нездешний ворон пёстрый.

Хочу, как мальчик, взять рогатку
И победить в лесу волчицу.
К щеке часов прижали ватку,
Из цифры восемь кровь сочится.

Луна на Пасху ляжет решкой,
И смерть не выйдет на работу.
Москвичка в утренней кафешке,
Не привыкай к донецким фото!

Не то тебя железом тронет
Не в Волновахе – на Волхонке.
Ты слышишь, это время стонет
В обычной радиоколонке?!

Не утопи весну в шампанском,
Не верь, что выпросишь поблажку.
В саду Нескучном–Гефсиманском
Получит каждый в руку чашку.

Приходит время мыслей ясных,
Что остановок нет конечных.
Победа – церковь для причастных,
Не для беспечных.

На проспекте будущего мира

Александр Сладкову

На проспекте будущего мира
Есть плакат с портретом командира.
Тонет вечер в праздных голосах.
Ресторан корову доедает.
Командир за этим наблюдает
И укора нет в его глазах.
Каждому своя дана планета:
Для кого-то вечность – только лето,
Для кого-то юность – ресторан,
Для кого-то нет конца и края,
Кто живет, для смерти умирая,
Кто из жизни выдернул стоп-кран.
Мальчик-шприц и мальчик –
сын банкира,
Кто они теперь для командира
В этом мире нового огня?
Он и сам-то мальчик для меня.

Кто мы все
Космодемьянской Зое,
Из кафе встречающие зори –
Мальчик-бронь и девочка-броня?
Карбышеву кто юнец с айпадом?
Кто под пальмой, кто под звездопадом,
Кто с осколком падает в самшит.
Вечность всех нас, бедных, сторожит.
И того рассерженного с палкой,
И того надутого с мигалкой,
И того, кто порванный лежит.
Жизнь – аист в поле Бородинском,
Всё в России далеко и близко.
Тронь траву, под ней солдат живой.
Для него и вечность–бесконечность –
Это просто случай рядовой.

Человек для любви

«Для чего человек?» –
я спросил своего визави.
Стопка книг до небес
возвышалась в моей одиночке.
И ответили мне,
шелестя, все листы и листочки:
«Человек для любви.
Человек навсегда для любви».
Если так, где же сбой,
и какой в этом вареве толк?
Может боги бессмертные
мир создавали спросонок?
Со страниц Достоевского
спрыгнул вдруг на пол ребёнок
и прижался ко мне,
и заплакал,
как маленький волк.
Спохватились дожди
и пошли, а ребёнок утих.
Мы закрыли глаза
и увидели, как перед нами

проплывают солдаты
и трогают небо руками,
как смеются над ними тихони
в перстнях золотых.
И трещала земля,
и весна выбивалась из сил,
и в узорах змея выползала
из райского сада.
Мы увидели все, что,
быть может, и видеть не надо
ни ребёнку в слезах,
ни писателю
в пятнах чернил.
Этот сон вспоминался,
как церковь, как спазм на крови,
от него не осталось ни грязи,
ни мысли проклятой.
Я доподлинно знаю теперь,
я скажу перед клятвой:
«Человек для любви.
Навсегда человек для любви».

ГСМ

Зачеркни про солдатский рай,
Избегай похоронных тем.
Напиши, что повсюду край,
Но мы ждём с утра ГСМ.

Человек ведь размером с дом,
Есть в нём правда, любовь, вода.
Хоть про что пиши, хоть о чём,
Но пусть жизнь победит всегда.

Если церковь, то в ней поют.
Без Отечества Бога нет.
Под ногтями не грязь, а труд.
Не потёмки душа, но свет.

Кто по яблоки, кто в кино,
Кто в атаку, а кто в роддом.
Пишет мальчик «Бородино»,
Чтоб учили стихи потом.

Осень топчется у ворот.
Под ногами горит трава.
Слово запах передаёт.
Осторожней рождай слова.

«Ненадолго и эта ночь, –
Так сказал мне один старлей, –
А захочешь бойцам помочь,
Спой им песню повеселей».

Нос

В XIX веке один малоросс
Написал непонятную повесть про нос.
Я сегодня вам, дети, открою секрет,
Что имел в виду Гоголь – великий поэт.

Отделился, друзья мои, нос от лица.
Он решил суверенным вдруг быть до конца.
И пока то лицо обращалось к врачу,
Нос молился: «Господь, я в Европу хочу!»

А майор Ковалёв был расстроен меж тем!
Ну ещё бы! Без носа нет жизни совсем.
Тут вошёл полицейский:
«Ваш нос? Боже мой!

Ехал в Ригу,
а мы его „хвать“
и домой!»

Начал нос на лицо прикреплять наш майор,
Ну а тот не держался на нем, бузотёр.
А в апреле (там в тексте и дата стоит)
Обрело вдруг лицо человеческий вид.

Слава Богу, что нос возвратился в конце!
Рот и нос, и глаза должны быть на лице.
Ещё как-то возможно прожить без волос...
Гоголь – гений.
Будь счастлив,
вернувшийся нос.

Мартовские чётки

Луна заживает в небе,
как на собаке рана.
С крыши на крышу прыгают
Дней молодые львы.
Чтоб ни случилось, помни –
Ангельская охрана
гнездится вокруг горячей
твоей головы.
Небо лицом уткнулось
в снежную плащаницу.
Март напророчил Пасху.
Руки его честны.
А потому не бойся –
верить, просить, рубиться
и оживлять светильник
этой сырой весны.
Март не играет свадеб,
март войне обучает.
Женщину превращает
снова в твоё ребро.

Ангельская охрана
огненными мечами
Рубит чертей в капусту,
если творишь добро.

9 мая

Не грозный Бог, а русский наш солдат,
По дымным прошагав архипелагам,
Поднявшись на Рейхстаг, спустился в ад
И смерть попрал
 советским красным флагом.

Солдат домой вернулся строить дом,
Он сталь варил, учился в институте,
И стал потом Гагариным, потом
Был Женей Родионовым в Бамуте.

Усталый и простой, как твой сосед,
Как машинист в метро иногородний,
А ведь на нём держался белый свет
И, как ни странно, держится сегодня.

Что в этот день святые говорят,
Которым мы, потерянные, верим?
Девятым мая запечатан ад,
А память – это в будущее двери.

Где наш герой? Нам не найти его
Ни в огороде, ни в кафе на Пресне...
Уехал он вчера на СВО
И крутит землю, как в известной песне.

Придёт пора – не будет места злу,
Как ни крути, возврата нет к былому.
Мы прислонились к небу, как к стеклу,
И плачем всем народом по живому.

У пограничного столба

Что толку восхищаться сладким дымом
И спорить с дураками сотни лет?

«...Ты, ветер, чей?

Ты чья, Луна, над Крымом?

Ты чей, Господь, открой уже секрет...»

Пусть мироточит пограничный столбик.
Шагни домой, чтоб снова жизнь начать.
Ругать Отчизну за нерайский облик –
Как стричь по моде старенькую мать.

Встречай закаты розовым ламбруско,
Там истина, где личная вина.
Чем тише скорость всей машины русской,
Тем дальше смерть, тем дольше времена.

И если ты в Полтаве, Курске, Гродно
Сидишь в сети в свои осьмнадцать лет,
Быть человеком вроде и не модно –
Тебе внушает «батя»-интернет...

Свобода может рабством стать невольно,
А воля указать на личный стыд.
Но Родина не там, где меньше больно,
А там, где что-то главное болит.

Где летом под телегой снятся санки,
Где тонет в книгах чеховский студент,
Где у шоссе в поспешной серебрянке
Цветов не ждёт солдатский монумент.

Куда летят полжизни божьи птицы
Весною петь на русском языке,
Где ты рождён, как говорят, в рубахе,
Чтобы спуститься к морю по реке.

Ржев

*Посвящаю отцу
Валерию Васильевичу Маленко*

Мы весной поднимаемся в полный рост,
Головами касаясь горячих звёзд.
И сражаемся снова с крошечной тьмой,
Чтобы птицы вернулись сквозь нас домой.

Чтобы солнце вставало в заветный час,
Чтоб вращалась, потомки, земля для вас.
Чтоб траву обдували ветров винты,
Чтоб из наших шинелей росли цветы.

Мы теперь – земляника на тех холмах,
Мы – косые дожди и ручьи во рвах.
Наших писем обрывки, как те скворцы.
Мы – медовые травы в следах пыльцы.

Нас в болотах небес не один миллион.
И в кармане у каждого медальон.
Это зёрна весны. Это горя край.
Сорок пятый настырный пасхальный май.

Вася, Паша, Серёжа, Егор, Рашид...
Среднерусской равнины пейзаж расшит
Нами, в землю упавшими на бегу...
В небеса мы завернуты, как в фольгу.

Только вот что: не плачьте теперь о нас!
Это мы поминаем вас в горький час!
Это вам разбираться, где мир, где меч!
Это вам теперь память о нас беречь!

Нам стоятobeliski, огни горят,
Пусть же каменных гладят ветра солдат.
Но важнее, ребята, на этот раз,
Чтобы не было стыдно и нам за вас.

Вам труднее, потомки, в засаде
дней. Наша битва с врагами была
честней. Мы покрасили кровью
колосья ржи, А на вас проливаются
реки лжи.

Мы умели в атаке и песни петь,
Вас как рыбу теперь заманили в сеть.
И у нас на троих был один кисет,
Вам же «умники» в спины смеются вслед.

Нам в советской шинели являлся Бог,
Наши братские кладбища – как упрёк.
Вас почти что отрезали от корней!
Вам трудней, наши правнуки, вам трудней!

Мы носили за пазухой красный флаг,
Был у нас Талалихин, Чуйков, Ковпак!
И таких миллион еще сыновей!
Вам труднее, прекрасные, вам трудней!

Произносим молитву мы нараспев:
«Пусть приедет последний из нас во Ржев,
Чтоб вспорхнули с полей журавли, трубя,
Чтоб, столетний, увидел он сам себя!

Молодым, неженатым, глядящим вверх,
В сорок третьем оставшимся здесь навек,
Чем-то красным покрашенный, как снегирь,
Написавшим невесте письмо в Сибирь».

Не кричите про Родину и любовь.
Сорок пятый когда-нибудь будет вновь.
С головы своей снимет планета шлем.
Вот и всё.

Дальше сами.
Спасибо всем.

23 мая

Во время оно
Женя Родионов
Провёл в плену
Последнюю весну.
И ничего не снилось накануне.
И так хотелось побывать в июне
Или опять у мамы в животе,
Что самодельный крестик в темноте
Обжёг ключицу, близкая вода
Как будто в кровь уже была одета.
Ну, Женька, с днём рожденья, навсегда.
С последней крошкой хлеба, жизни, света.
Так девятнадцать заплетают в круг.
Вчера был день святого Николая,
Сегодня – твой, Россия рядовая,
Как будто спохватившаяся вдруг.

Пролётный гусь

Пролётный гусь
Играет на фаготе
Для всех солдат.
Они в суглинке,
Будто в позолоте,
Послушно спят.
Как женщина,
Танцует рядом пламя,
Сжигая грех.
Какие сны
Висят над головами
Мальчишек тех?
Один на всех,
А в нём, как по отмашке,
На первый лёд
Спустилось детство
В байковой рубашке.
И кружится,
Танцует под фагот,
Не задевая ни одной
Растяжки.

Молитва у Чёрного моря

Море, море!
Да что ж ты стонешь?!
Чайки к небу поднялись...
Всех убитых похоронишь,
Чтобы снова родились...

Над тобой ветрам раздолье,
Не шуми теперь, не вой!
Ты матросов крестишь солью,
А я пехотный рядовой...

Ты мне йодом смажешь стопы,
Дашь кольцо из серебра.
Справа – брат твой Севастополь,
Слева Керчь – твоя сестра!

У тебя шторма снаружи,
А внутри любовь живёт.
Жаль, что бросить в море ружья
Не пришел еще черёд.

Я слезой твоей умоюсь,
Чтоб душа была видна.
И войду в тебя по пояс,
Поклонюсь тебе до
дна.

Медаль «За оборону русского языка»

Носи, как маленькую икону,
Горящую сквозь века,
Медаль на ленте
*«За оборону
русского языка».*

И кто б не значился на обложке,
Упасть не старайся ниц.
Корми кириллицей
с чайной ложки
Детей и поющих птиц.

Пусть припадают к бортам моллюски,
Услышав чужую речь.
А в плен возьмут –
ты молчи по-русски,
Чтоб шапки врагов поджечь.

Пусть время колетя
злей и горше,
Теперь до Победы стой
За Дальний Восток!
За Донецк!
За Оршу!
За русский язык родной!

Сказка о русской победе

Если ты не забыл имена и даты,
Мы загадку распутаем, как клубок.
Ведь Россия-то замужем за солдатом,
А солдат всегда там, где близко Бог.

А где близко Бог, там и зверь отвязан,
Он за каждым камнем теперь ревьёт.
А солдат подчиняется лишь приказам,
И порой он приказа полжизни ждёт.

Приезжал командир,
 посмотрел в бинокль,
Засосало болото с ноги сапог.
Было страшно, тоскливо и одиноко:
Никого, на кого положиться мог.

И поймав его мысли в лучах заката,
Обходилась Россия без пышных фраз:
«Положись, государь, на того солдата.
Положись и не бойся отдать приказ!»

Катюша*

Там, где косогоры отутюжив,
Мы врагов прогнали, наконец,
Выходила на берег Катюша
Посмотреть на Северский Донец.

«Выходила, песню заводила
Про степного сизого орла»,
И про то, как вновь Саур-могила
Флагами Победы расцвела.

Ой, ты, песня девушки советской,
Ты лети за ясным солнцем вслед:
И бойцу из города Донецка
От Катюши передай привет!

* В произведении использованы цитаты из песни «Катюша» (автор слов Михаил Исаковский, композитор Матвей Блантер). – *Примеч. ред.*

Стихнут к сентябрю раскаты грома.
Наш герой вернётся в отчий дом.
И тогда на улице Артёма
Мы на свадьбе Катиной споём:

«Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег на крутой».

Родина

У Родины слева болит внизу.
Туда ей бинты и стихи везу.
Там два миллиона солдатских глаз
Блестят в темноте и глядят на нас.

Там женщины носят под сердцем свет
И молятся мальчикам бритым вслед.
Там рая осколки лежат в лесополке,
Там белой берёзы вдоль поля
бредёт скелет.

Вы просили красивую песню
про наши дни?
Я бы спел её, только вот горло
опять саднит.
Я б сыграл, да внутри у гитары
в крови бинты.
И танцоры без ног. Не получится красоты.

Оторвались две буквы
от слова «победа», брат.
Тридцать лет мы катились в рай,
а попали в ад.

Но привычка у нас
в ресторанах сидеть в аду
И на Первом смотреть по пятницам какаду.

СВО не хотят вспоминать в глубине элит,
Потому что от этого портится аппетит.
И Христос не гвоздями прибит
у них ко кресту,
А посажен на клей (ювелир блюдёт красоту).

Так хотели мы мира классного,
О морских мечтали барашках!
Но чем меньше на флаге красного,
Тем больше красного на рубашках.

Знай, имеет любая война четырёх сестёр.
Если вместе они запоют,
будет страшный хор.

Чтобы целы и невредимы
Были те вот и твой, родимый.

Я поеду туда, где у Родины срезан бок,
Где ещё далека Победа, но близок Бог.
Где качается время мирное на весах,
Я стихами бинтую порезы на небесах.

Хозяюшка

Соберись, хозяйюшка, с силами!
Собери-ка полынь-траву!
Протопи ты мне баньку по-синему!
Я у синего моря живу!

Нам приснятся созвездия гончие,
Дуй-ка, северный, правильной дуй!
А полынь-трава, она с горечью,
А мой сахар – твой поцелуй.

Тут и ласточка жмётся под крышею,
И ржавеют в земле палаши.
Протопи ты мне душу отвыкшую
От соседней горячей души...

И её мне давно уж найти пора,
Чтобы душу спасти от заплат...
А на левом холме храм Владимира,
А на правом советский солдат.

Август

То ли травы горят,
то ли поезд ограблен кофейный.
Ждут индийскую визу
в лугах журавли-дембеля.
Я на август пришёл,
как на фильм
пожелтевший трофейный,
Замечая, что стала быстрее
вращаться Земля.

Лодки мокрыми дятлами
грустно стучатся о сушу,
на Луне молодой
проступают следы старины.
Рыбу ловят на хлеб,
человека – на деньги и душу.
Август – март наизнанку,
хранитель скелета весны.

Журавли улетят,
пелене исповедуясь колкой,
растворятся мои трубачи
в новгородской слюде,
и фату Богородицы
в небе развешат над Волгой,
чтобы рай отражался
в её бесконечной воде.

Каждый солнечный луч –
это острый осиновый прутик,
пропускающий в кожу болот
золотистую нить.
Из несчастной любви
прорастает Есенин, как лютик,
чтоб убийственным словом
Россию у церкви спить.

А она-то и рада запутаться
в мокром и горьком,
исцарапать кустами крыжовника
белый живот,

Ярославной рыдать
вслед Ваняткам своим и Егоркам,
уходящим на новые войны
из старых ворот.

Что ж теперь остаётся?
Явиться всем миром на сборы,
колокольным рыданием
сбросить с воды лебедей,
перелюбленной Русью
идти в синяках вдоль заборов,
превращаясь из тел с телефонами
в русских людей.

Только так.
Видишь, ночь разбросала
по небу браслеты
и настырной цыганкой
пророчит дорогу в судьбе?
Я бегу и кричу:
«Не умри, человек, до рассвета!»
Ведь когда доживешь,
там смерть проиграет тебе.

Яблочный Спас

Яблочкин спас
товарища –
вытащил из пожарища.
А в тот день был как раз
Яблочный Спас.

Месяц висит,
как ружьё на стенке.
Пишет письмо
рядовой Христенко:
«Мама, стою на посту
на Успенском посту».

Ночь надевает синее
платье в пол.
Поезд по имени
Август идёт в депо.

Курим на полустанке.
А под брезентом танки.

Синий платочек купит
сестра в сельпо,
чтобы идти вдоль
берега по полям,
жизнь зашивать,
разделённую пополам,
чтобы было по силам
шёлковым, синим
вслед помахать
солдатам и журавлям.

Столько яблок
в селе Успенка...
Здесь и осень стоит
в сторонке.
Орден Мужества у Христенко,
Орден Верности у сестрёнки.

И танцуют женщины вальс,
обнимают кто клён, кто вяз,
и выходят солдаты
с женщинами на связь.

Соловьи зимуют на Филиппинах.
Мы, как они, не споём.
Зато останемся при рябинах
и при своём.

Будем солнце в пятнах
под свитер прятать
всякой порой глухой.
И в стекло превращая
у дома слякоть,
потчевать печь ольхой.

Так спина ребёнка
болит от банок,
но зато он сам уже
стал дышать.
А собака ходит
на полустанок,
чтоб не жить,
а ждать.

Что, дружок,
они о России знают,
упорхнув с болот?
Здесь солдат по осени
посчитают,
да и снег пойдёт.

Здесь врагов спасают,
упавших в яму,
опускаясь в ад.
Здесь в окошко
вставят вторую раму,
так и смерть проспят.

Перекличка

Я прошу об одном всего лишь,
Признавая свою вину:
То, что можно сделать сегодня,
Не откладывая на весну!

Чтобы ночью на перекличке,
На осеннем сыром плацу
Загорелись глаза от спички,
Поднесённой тобой к лицу.

И тогда мы успеем к маю
Белый свет запустить в дома.
Ты исполнишь. Я знаю, знаю.
Будет в помощь зима, зима.

Пересёк у реки границу
Новой осени инженер.
Аплодируют Богу птицы,
Оставляя Москвы партер.

И паломникам, сбитым с толку,
Перед первым порам снежком
В стоге сена найти иголку,
«Отче наш» прошептать в ушко.

Нет ни жалости, ни печали,
Просто вспомнилось про любовь:
Как мы в очередь все вставали
И на юность сдавали кровь,

Целовали солдат медсёстры,
Заносили солдат в журнал,
И сентябрьский воздух острый
Всех до истины пробирал.

И во времени лучезарном
Пели первые петухи.
Шёл Христос по пустым казармам,
А дежурный писал стихи.

Перед русским рассветом

По веселой зелёной земле
Мы летели вперёд ради Бога.
Потерялась дорога во мгле,
Потерялась дорога!

И помятого солнца овал
В сизой мгле растворился.
Были те, кто на землю плевал,
Были те, кто зарылся.

Кто-то бил по земле кулаком,
Кто-то спал – не проснулся.
Кто-то прочь полетел кувырком,
От земли оттолкнута.

Что же делать, когда накатила беда
И душа перепугана, птица?
И мы за руки взяться решили тогда,
Чтобы вниз не скатиться!

И дорога, как тайна открылась сама,
Распахнулась ответом:
Это просто такая отпущена тьма
Перед русским рассветом!

Молитва

Заговорю тебя на четыре года.
Напишу на спине своё имя йодом.
Это смерть далеко, а я близко-близко.
Ты не бойся осколка и василиска.

Пусть под ржевским дождём
заржавеет пуля.
Пусть ослепнет снайпер Георг в июле.
Мессершмитт поцелуется пусть с утёсом.
Захлебнётся Косая своим покосом.

Ты уйдёшь, я к Николе поставлю фото,
И Манштейна навек прошибёт икота.
Ты уйдёшь, я в больничку пойду к Матроне,
И немецкая рота в Днепре утонет.

Я не ведаю слов о любви высоких,
Но я слышу, как плачет журавль в осоке.
Отольются врагам журавлёвы слёзки!
Пусть невесты на свадьбу им дарят доски.

Как лежала в поле одна дорога.
Да летала душа над ней от порога.
Не боялась остаться она без Света,
Потому что по-русски была бессмертна.

Война и мы

Загорелся волшебный терем.
Затянуло нас в плену.
Мы – солдаты. Мы свято верим,
Что под вечер убьём войну.

Мы ползём в чернозёме горьком.
Мы убиты по многу раз.
Жаль, что клоуны за пригорком
Проклинают в спектаклях нас.

Мы приникли к июльской мяте.
И любовь изо рта течёт.
Нам Господь говорит: «Стреляйте!»
«Не стреляйте», – смеётся чёрт.

И предательство за забором
Надевает на совесть грим.
Не дано понимать актёрам,
Что мы их от беды храним.

Нас считают нулями в смете.
Нами ночь наполняет ров.
Если б не было нашей смерти,
Превратилась бы клюква в кровь.

Непогашенные окурки
Продырявили лунный сыр...
Нет фальшивее драматурга,
Чем война под эмблемой «мир»...

Эй, актёры! Сыграть смогли бы
Сценку боя длиною в час?
Если б мы не убили гибель,
Эта гибель убила б вас.

Тьма качнётся над нами, свет ли?
Будет мир поутру зачат.
Мы машинное масло в петлях
Маем пахнущих райских врат.

Ангелы Сталинграда

Слышишь, брат, вдалеке канонада?
Бой над Волгой – совсем не фантастика.
Это Ангелы Сталинграда
Рубят новых чертей со свастикой!

Звёзды в небе – для тех награда,
Чья Победа случилась в мае.
Это Ангелы Сталинграда
В снег бинтуют курган Мамаев.

За пролитые в землю слёзы,
Застелившие кровью Волгу,
Пусть врагов загрызут морозы,
Как слетевшие с неба волки.

Мой ровесник, твори молитву!
Как солдат, выполняй приказ.
Каждый день сталинградская битва
Происходит в душе у нас.

В чине ангельском, как на марше,
Русский воин – делами чист:
Он – Чуйков – светоносный маршал,
Снайпер Зайцев, Путилов – связист.

Пусть же видят глаза незрячих
Сквозь пробоины в русской каске:
Двести дней и ночей горячих
Приближали солдаты Пасху.

Пусть Косая плевалась ядом,
Им была она нипочём!
Это Ангелы Сталинграда
И сейчас за твоим плечом.

Ветры волжские вновь тугие.
Летом жгутся, зимой холодные.
Только черти теперь другие:
Вместо свастики – знаки водные.

Против них лишь одна есть сила.
Заклинаю крещенским словом:
На планете – с клинком Россия.
В небе – Божия Мать с Покровом!

Продырявлено мироздание.
Стынет Ставка в Последнем Риме.
Сталинград – как военное звание.
Волгоград – как гражданское имя.

Волга выпила небо синее,
Помянула свой город-сад.
Как в Антихристе кол осиновый,
В падшем мире горчит Сталинград.

Не касается пламя ада
Тех, кто в душу бессмертье всаживал.
А защитников Сталинграда
В шар земной закопали заживо.

Прорастая сквозь их фаланги,
Травы вешние солнцу рады.
И теперь они – в небе Ангелы.
Просто Ангелы Сталинграда.

Это Ангелы небо пашут.
Сто дивизий в огне бушующих.
Их не мы поминаем, павших, –
Нас они поминают, будущих.

У иконы Петра и Павла
Мы лампадку с тобой зажгли.
Нынче Родина вся – дом Павлова,
И за Волгою нет земли.

Человечек

Человечек вылеплен из глины,
В нем любви мерцает огонёк,
А над ним кружат, как исполины,
Птицы на ветру – Судьба и Рок.

С верностью молитве и присяге
Мой герой одолевает быт.
Сделан крепкий домик из бумаги,
Верный пёс калитку сторожит.

А когда весна качает вишни,
И по веткам пробегает ток,
Шелест вечных птиц так ясно слышен,
Так тревожен тихий огонёк.

Разговор с настоящим героем

– Чем увлеклись Вы, лейтенант Цветков,
На новом свете, нестерпимо белом?

– Починкой звёзд,
Пошивом облаков,
Рутиной в целом.

Гоню ветра по улице родной,
Дождями мажу клейкие листочки,
Ну, разве что, приснюсь под выходной
Жене и дочке.

– А лютни рая, виноградный сок?
А сладкозвучья ангельского зова?

– Да мне бы в свой военный городок,
И там пожить на улице Чуйкова
Лет сорок кряду.
Дочку в сентябре
Отправить в школу и проведать маму.
Без ордена, без бюста во дворе...

(Ответ героя не вошёл в программу).

Рождественский орешек

Мне мальчик протянул орешек грецкий.

Смотри, с тех пор ладони в позолоте!

Стояли мы на площади в Донецке.

– А где же мама с папой?

– На работе.

– Так нынче праздник –

Рождество Христово...

Я вдруг осёкся в эту ночь святую

И трёх волхвов увидел из Ростова,

Везущих в бочке воду питьевую.

– Отец мой продолжает дело Корсы, –

Сказал пацан, – нам с вами по дороге.

Мы шли к роддому по проспекту Щорса,

Где на дежурство вышла мать Серёги.

Давно виднелись в небе звёзд зарубки,

И думал сочинитель утончённый

О вере в чудо, маленькой и хрупкой,

Как грецкий тот орешек золочёный.

Под полами распяли волю, вкурив свободу,
Перерезали всех овец ради двух козлов.
Поменяли блаженство на кайф
да на колу воду,
А любовь на секс и архангелов на битлов.

Новый год

Сержант Потапов и ефрейтор Лобов
За новый год глотнули кипятка.
Не подают в окопах эскалопов
И пробкой не тревожат потолка.

По телеку не щёлкая программы,
Рванули пацаны вперёд бегом.
Потапов вспомнил Вологду и маму,
А Лобов – свой саратовский детдом.

Я не корю жующих ананасы
И в Новый год не знающих беды.
Прошу лишь тихо вспомнить о Попасной,
О городах без света и воды.

Спецназ чувашский
в ночь ушёл колонной.
В двенадцать тридцать завязался бой.
В Москве провёл Серёжка
с Малой Бронной
Корпоратив для Витьки с Моховой.

Я не корю танцоров с афтепати,
Не выметаю из Таганки сор.
Но помню, как в луганском медсанбате
«Москва...», – махнул с досадой
мне майор.

И времени излом почуяв кожей,
Лишь говорю, язык стерев до дыр:
«Когда гуляет вор с ножом в прихожей,
На кухне глупо пить за добрый мир».

Бой снова начался, свинцом закапав.
И, разлучаясь в ледяной траве,
Ефрейтор Лобов и сержант Потапов
Договорились встретится в Москве.

Молитва святому Николаю

В Рязани и Старом Осколе,
В Ростове-на-тихом Дону
Сегодня святому Николе
Мы молимся за страну!

За каждый наш угол детский,
Которому жизнь дана.
Особенно за донецкий,
Где свила гнездо война.

Особенно за военных
В окопах, не за столом.
Молитв наших внутривенных
Пусть хватит на каждый дом.

Дай Веры нам, а не верки,
Беду проводить за дверь.
Московские фейерверки
Унять, заглушить теперь.

Сын друга молился Богу,
И слёзы текли на лёд:
«Верни, Боже, папке ногу
Под ёлкой на Новый год!»

Что такое победа?

Мне задали вопрос студенты меда,
Узнав стихи про Ржев и Сталинград:
«А что такое русская победа,
Не прошлая, а будущая, Влад?»

Как на вопрос такой сейчас ответить?
Я посмотрел в окно и начал так:
«Нам надо осознать сначала, дети,
Что подняла беда свой чёрный флаг.

Она страшна, её ужимки ловки,
По горло, как в болоте, мы в беде!
В Урюпинске она и на Рублёвке,
В Одессе, в Минске, в Киеве... везде.

Что у судьи фальшивая бумага,
Что тридцать лет назад сожгли мосты.
Что иго мы восприняли, как благо,
Что мы индейцы русской пустоты.

Что дело в личном взгляде, в личном росте,
И в переплавке мыслей, как руды.
И что победа не приходит в гости,
К тому, кто жил, как будто нет беды.

Что вспоминая наших предков славных,
Свою судьбу пора прибрать к рукам!
Победа – это, дети, время равных,
А не привет богатых беднякам!

Победа – это сплав мечты и веры!
Победа – фронт наш общий трудовой,
А не поклон сынкам миллионеров
От мальчиков-крестьян с передовой.

Не явится она, накрасив губы,
В отдельном бизнес-классе на борту
К тем, кто сидит по барам и по клубам
С серебряными ложками во рту.

Не прилетит она на синем шаре,
На радость детворе и старикам!

Не станет новой сделкой на базаре,
Когда купцы ударят по рукам.

Да, мы Победу проходили в школе,
И в мае на курган несли цветы!
Да, это Невский, да, Барклай де Толли,
Да, Талалихин, но теперь и ты.

И ты, и я, мы все теперь в ответе,
За посечённый русский город-сад.
И не хлебнув по полной сорок третий,
Ты сорок пятый не увидишь, брат.

Я верю, что на солнце, как на сварку,
Посмотрим мы, закончив долгий бой,
После беды обнявшись в нашем парке,
И вспомним всех товарищей с тобой!»

Я свой ответ закончил до обеда.
Я был косноязычен, как весна.
На лекцию пошли студенты меда,
Стояла в коридорах тишина.

Героям слова

Морские камешки алфавита
В карман мне бросила Афродита.
Как светляки, они мерцали
И стали русскими бубенцами.

Зачем поэту на свете тело?
Чтобы слова превратились в дело.
Язык бессмертный касался чтобы
И сводов неба, и сводов нёба.

Флажок на башне, а семя в пашне,
Когда ты любишь, и жить не страшно.
Пока гремели враги засовом,
Я за три моря сходил за словом.

Хранил за пазухой в полотенце,
Да гладил темечко у младенца.
Где больно, мазал слезами лука.
Не произнёс до поры ни звука.

Чтоб слово весило, чтобы грело,
Чтобы до времени не сопрело,
Чтоб превратило голодных в сытых.
Ведь вой на вдохе, а это выдох.

Враги смеются, да Бог не с ними.
Несу, как матери вечной имя.
Отдам без денег, вручу без игр.
В каком полку командиром Игорь?

Столкнулся сразу с одним толковым
В семидесятом мотострелковом.
Пока хрипели снаряды глухо,
Обнял и слово шепнул на ухо.

Потом в чаду отражали натиск,
Там был Матросов и Дима Артис.
И все в бою становились старше.
Там был Прилепин, Толстой и Гаршин.

В огне творилось большое дело,
А слово где-то в конце горело.
И состояли друзей фигуры
Из крови русской литературы.

И было сыро, темно и громко.
И у небес надломилась кромка.
А после боя друзья молчали,
Но было Слово опять в начале.

Сборка

Как вам русские горки?
Крышу не сорвало?
Это эпоха сборки
Всем кликушам назло!

Всенародное дело,
Праздник детей больших –
Возвращение в тело
Певчей птицы-души.

Век изучив до корки,
Скажут потом про всех:
«Жили во время сборки,
Видели смену вех!»

Сверхзвуковые «сушки»
Ангелов веселят.
Сборку придумал Пушкин
И добавился в чат.

Павшие и живые
Тьму перетрут до дыр.
Русские рядовые
Ремонтируют мир.

Вот крановщик в кабине,
С важностью тамады,
Солнце на Сахалине
Достаёт из воды.

Вот к озаренью близкий,
С космосом чуя связь,
Физик в Новосибирске
Лепит молекул вязь.

Веря уральской силе,
Дело вершить мастак,
Слесарь в Нижнем Тагиле
Лечит уставший танк.

Летом готовя сани,
По заветам отцов,
Профессора в Казани
Учат летать птенцов.

Видя пологий берег,
Песню спев о весне,
Новый мост через Терек
Строят люди в Чечне.

К пострадавшим от «Града»,
Будто к детям отец,
Врач из Калининграда
Приезжает в Донецк.

Божьей любуясь славой,
Бесам внушая страх,
Молится за державу
Соловецкий монах.

Хлебороб на уборке
И машинист в «Стреле»,
Вся Россия на сборке –
В поле, в горах, в Кремле.

Русские спят вначале,
Гонят потом коней.
Нас раздробить мечтали,
Сделали лишь сильней!

Снова Москва в эфире
И Георгиевский зал!
Сотворение мира
Через русский портал.

16+

Литературно-художественное издание

Серия: Библиотека солдата СВО

Маленко Владислав Валерьевич

СТИХИ